официальной церкви. Эти обличения, относящиеся к церковным властям и ко всей церковной иерархии, а также понимание Косым истинной роли „человеческого предания“ и истинной роли официальной церкви его времени — позволяют ему сделать тот вывод, который придает его учению огромную социальную остроту:

„В церквах же попы учать по книгам и по уставам их человеческая предания, и повелевают себе послушати, и земскых властей боятися и дани даяти им; не подобает же в христианох властем быти и воевати“.[1] „Не подобает же повиноватися властем и попом“.[2]

Для этого уничтожающего вывода и необходимы были обоснованное отрицание феодальной церкви, всех ее установлений и осуждение ее служителей. Нужно было сначала „совлечь покров святости“ с церкви — с богословия, а затем — с благословляемого этой церковью общественного строя.

Социальная острота ереси Косого была понятна его современникам. Недаром у него было много последователей, большинство которых составляли представители угнетенного класса — „рабы“, как называет их Зиновий Отенский. Недаром господствующий класс, не ограничиваясь судом и проклятиями, вынужден был противопоставить этому „рабьему“ учению свое идеологическое противоядие.

Итак, учение Косого было оппозиционным выступлением против современного социального и государственного строя санкционирующей этот строй официальной церкви.

Что же противопоставлял Косой порочной церкви и порочному порядку жизни, какую религию и какое гражданское устройство? Ради чего отрицалась им современность, какое общество рисовал он своим последователям, какой порядок считал истинным, соответствующим „заветам бога“?

Положительная программа была всегда самой слабой стороной всех оппозиционных учений Средневековья, да и не только Средневековья, а и гораздо более позднего времени. Незнание и невозможность познания законов исторического развития, неспособность самого угнетаемого многочисленного класса Средневековья, крестьянства, выдвинуть свою программу, наконец, самый уровень исторического развития общества — словом вся совокупность условий делала выступления, сильные своей отрицающей стороной, беспочвенными и неисполнимыми мечтаниями в положительной своей части.

Опорой для положительных идеалов служили „хилиастические мечтания раннего христианства“. Черпая в книгах раннего христианства материалы для разоблачения церкви и современной действительности, средневековые ереси искали в этих книгах и ответов на вопросы об устройстве будущего общества. Они по-своему трактовали принципы раннего христианства, и на этой своеобразной интерпретации Библии и Евангелия строили идеалы будущего общества.

Эти идеалы, как правило, содержали в себе намеки на будущее коммунистическое общество. „Но в то же время полет мечты за пределы не только настоящего, но и будущего, мог быть только насильственным и фантастическим и должен был при первой же попытке практического применения снова оказаться в узких пределах, которые одни только и были возможны в условиях того времени“.[3] Эта истори-

---

[1] Многословное послание, стр. XVI.
[2] Там же, стр. XVII.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 131.